

Медленная расправа над Х. Г. Раковским

Физическая расправа над оппозиционерами-большевиками началась не со вчерашнего дня. Это старый сталинский лозунг, который он только к счастью для революции ещё не смеет — и при несомненном противодействии партии и рабочего класса не посмеет и в будущем — широко развернуть. Но там, где это можно сделать бесшумно, скрыто от партии или там, где безудержная злоба зарывающегося узурпатора уже не знает границ, там расправа неминуема. Задерживает на этом пути только боязнь перед партией и Коммунистическим Интернационалом. Но для того, чтобы заставить Сталина по настоящему бояться партии, надо ей открыть глаза, надо до её сведения доводить — всеми путями и всеми средствами — о сталинских преступлениях. Только широкая, активная гласность по отношению к прошлому и настоящему может затруднить расправу в будущем. Слепая и глухая партия Сталину не страшна. Именно такая партия нужна всесильному аппарату.

Душить партию начали давно. Чистка 1924 года, направленная против оппозиции, была первым массовым проявлением расправы. Одной из её жертв пал Михаил Соломонович Глазман. Человек высокой моральной чистоты, преданнейший член партии — он доказал это на фронтах гражданской войны, а не прислужничеством в секретариате ЦК — он был во время чистки оклеветан, затравлен и исключен из партии. Причина была одна: он был оппозиционером и рука об руку работал с т. Троцким. Глазман застрелился. Его смерть была грозным предостережением партии, она показала, по какому пути ведет её Сталин.

С начала 1928 г., т.е. с периода, когда оппозиционеров начали ссылать тысячами, для Сталина развернулось широкое поприще расправы, вероломства и мести. Затравленный в тюрьме, после сорока двух дневной голодовки умер Георгий Васильевич Бутов. В таких же условиях умер не один он. Физическая расправа для своего прикрытия требует обмана и вероломства. Перед тем, как затравить, умертвить, надо дискредитировать. И если загубленных товарищей мы насчитываем пока десятками, а не сотнями, то только потому, что Сталин наткнулся на разоблачения и отпор, и это препятствовало ему осуществить план истребления оппозиционеров. Напомним, например, позорный провал гнусной затеи с врангелевским офицеров, которого ГПУ, под руководством Сталина, хотела подкинуть оппозиции. Под прикрытием такой «амальгамы» легче обмануть партию, легче расправиться безнаказанно. Не удалась подобная же провокация и в Воронеже. Не удалась только потому, что своевременно была разоблачена.

Сейчас, после капитулянтской волны вся сталинская злоба сосредоточена на стойких. В каменных мешках изоляторов, в гиблых местах Сибири и Казахстана им больше, чем когда бы то ни было грозит медленное физическое истребление. Сталин боится их, как боится партии, ибо это прошлое и будущее революции. Повторяя осколки оппозиционной платформы, он тем острее испытывает потребность расправиться с её авторами.

Вчера расстрелян Яков Блюмкин. Его нельзя вернуть, но его самоотверженная гибель должна помочь спасти других. Их надо спасти. Надо неустанно будить внимание партии и рабочего класса. Надо научиться и научить не забывать. Надо понять, надо разъяснить другим политический смысл этих термидорианских актов кровавого истребления преданных делу Октября — большевиков. Только таким путем можно помешать планам могильщика Октябрьской революции.

В этой связи все отряды международной левой оппозиции должны поднять прежде всего вопрос о судьбе Христиана Георгиевича Раковского. Его надо спасти. Эту цель должен себе поставить каждый оппозиционер, каждый настоящий коммунист, каждый сознательный рабочий.

Тов. Раковский серьезно и тяжело болен. У него малярия и болезнь сердца. Последние сведения о его болезни очень тревожны. Ещё летом 1928 г. врачи считали опасным для жизни Христиана Георгиевича его пребывание в Астрахани. Они требовали поездки для лечения на Кавказ. Политбюро в издевательском тоне отказало в этом старому борцу. Более того. Вскоре после этого, Х. Г. Раковский был переведен в совершенно губительные для него условия, в город Барнаул, на Алтае. Больной, с больной женой, лишенный самой элементарной врачебной помощи, лишенный переписки, возможности литературной работы, он находится в условиях, которые в некоторых отношениях хуже тюремных. Его больной организм вынужден переносить 40–50 градусные морозы, в то время, как врачи считали даже климат Поволжья опасным и настаивали на климатическом лечении на Кавказе. Христиану Георгиевичу сейчас 57 лет. Сорок лет его сознательной жизни безраздельно принадлежат борьбе за дело рабочего класса. Его биографию не нужно рассказывать, — её знают все. От подпольной деятельности в Болгарии в 1889 г., организации партии и профсоюзов в Румынии в 1905–07 г., участия в рабочем движении Балкан и Франции, через Циммервальд, румынскую тюрьму (откуда он был освобожден русской революцией) — к Октябрьской революции и организации Коминтерна; четыре года руководства советской Украиной, представительство Советского Союза в Лондоне и Париже, в сталинской ссылке теперь — всегда он оставался тем же пламенным борцом и революционным вождем. Сейчас на Христиане Георгиевиче Раковском, как на вожде русской оппозиции, сосредоточена вся злоба «теоретиков» и практиков физического истребления ленинцев. Надо, чтоб самые широкие массы Советского Союза узнали о судьбе т. Раковского. Надо отвести удар, надо спасти Раковского!

Н. Маркин.